

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 9—26.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 2. P. 9—26.

Научная статья

УДК 94(470+571)"1920/1950"

DOI: 10.46725/IW.2022.2.1

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (конец 1920-х — начало 1950-х гг.)

Олег Васильевич Золотарев

Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина,
Сыктывкар, Россия, kimoopd@syktsu.ru

Аннотация. В статье исследуются процессы, связанные с динамикой материального положения советской интеллигенции в годы сталинской модернизации. Рассмотрены вопросы государственной политики, направленной на повышение уровня жизни интеллигенции, ее формы и методы. Властные структуры в этот период делают ясно обозначенный выбор в пользу мер по материальной заинтересованности интеллектуальных слоев.

Данный поворот был обусловлен тем, что режим в 1930-е гг. испытывал острую потребность в интеллектуальном труде. Это обстоятельство определило ярко выраженную тенденцию в вопросах материального обеспечения интеллигенции: труд нужных для проведения модернизации страны специалистов, несмотря на отрицательную реакцию общественности, начинает высоко оплачиваться. В отличие

от нэповских времен, данная политика касается не только специалистов технического направления, но и широких слоев гуманитарной интеллигенции. Постепенно доходы деятелей науки, педагогов, работников культуры и т. п. не только сравнялись, но и превысили заработную плату рабочих. Не следует забывать о ряде привилегий (особенно в жилищной сфере), предоставленных представителям интеллектуальных профессий. На начало 1950-х гг. приходится пик материального благополучия представителей интеллектуальных профессий, когда уровень благосостояния советской интеллигенции наиболее значительно превышает материальное положение рабочих и тем более крестьян. Именно к концу сталинского периода советские интеллектуалы во многом приблизились к своему дореволюционному статусу. А научные и творческие представители советской интеллигенции составили одну из наиболее привилегированных и обеспеченных социально-профессиональных групп советского общества.

Привилегированное положение советских интеллектуалов во многом объясняется особым местом, которое занимала интеллигенция в системе сталинского социализма. В свою очередь и власть выиграла от линии, позволившей носителям умственного труда достигнуть относительного материального благополучия. Во многом благодаря их труду режиму удалось обеспечить рывок страны в экономическом и технологическом плане.

Модернизация страны, таким образом, неизбежно вела к улучшению материального положения интеллектуальных слоев общества и к сближению власти и интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, власть, индустриализация, государственная политика по отношению к интеллигенции, кадры, экономика, привилегии, заработная плата, уровень жизни

Для цитирования: Золотарев О. В. Материальное положение советской интеллигенции (конец 1920-х — начало 1950-х гг.) // Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 9—26.

THE FINANCIAL SITUATION OF THE SOVIET INTELLIGENTSIA (late 1920s — early 1950s)

Oleg V. Zolotarev

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar, Russia, kimoopd@syktsu.ru

Abstract. The article examines the processes associated with the dynamics of the financial situation of the Soviet intelligentsia during the years of Stalin's modernization. The issues of state policy aimed to improve the standard of living of the intelligentsia, its forms and methods are considered. During this period, the power structures make a clearly indicated choice of introducing the measures of financial support of the intellectual strata.

This turn was due to the fact that the regime in the 1930s had an acute need for intellectual labor. This circumstance determined an obvious trend in matters of financial support for the intelligentsia: the work of specialists necessary for the modernization of the country, despite the negative reaction of the public, begins to be highly paid. Unlike the NEP times, this policy concerns not only technical specialists, but also broad layers of the humanitarian intelligentsia. Gradually, the incomes of scientists, teachers, cultural workers, etc. not only equaled, but also exceeded the wages of workers. We should not forget about the number of privileges granted to representatives of intellectual professions (especially in the housing sector). At the beginning of the 1950s, there was a peak in the well-being of representatives of intellectual professions, when the standard of living of the Soviet intelligentsia most significantly exceeded the financial situation of workers and, especially, peasants. It was by the end of the Stalinist period that Soviet intellectuals in many ways approached their pre-revolutionary status. Thus, scientific and creative representatives of the Soviet intelligentsia made up one of the most privileged and well-off socio-professional groups of Soviet society.

The privileged position of Soviet intellectuals is largely explained by the special place that the intelligentsia occupied in the system of Stalinist socialism. In turn, the government also benefited from the line that allowed the carriers of intellectual labor to achieve relative economic well-being. Largely thanks to their work, the regime managed to ensure the country's breakthrough in economic and technological terms.

The modernization of the country, therefore, inevitably led to an improvement in the financial situation of the intellectual strata of society and to a rapprochement between the authorities and the intelligentsia.

Keywords: intelligentsia, government, industrialization, state policy towards the intelligentsia, personnel, economy, privileges, wages, standard of living

For citation: Zolotarev, O. V. (2022), 'The financial situation of the Soviet intelligentsia (late 1920s — early 1950s)', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 9—26 (in Russ.).

Введение

Актуальность. В своем развитии российская интеллигенция прошла несколько этапов, которые во многом совпадали с эпохами отечественной истории. Одним из самых любопытных и противоречивых, на наш взгляд, был советский период ее деятельности. В нем особое место занимает сталинская модернизация. Именно в этот временной промежуток советская интеллигенция приобретает уникальное положение. Режим, осознавая нереальность осуществления модернизационных проектов без активного участия в них интеллектуалов, пытается завоевать доверие интеллигенции, не утрачивая своего контроля над ней. Немаловажную роль в этом процессе играет повышение социального статуса интеллектуальных слоев, невозможное без серьезного улучшения материального обеспечения представителей умственного труда. Данное обстоятельство вызывает интерес к динамике уровня доходов интеллигенции в 1930-х — начале 1950-х гг., тем более что данная тематика не получила должного освещения как в отечественной, так и зарубежной историографии.

Краткая историография проблемы. Материальное положение отдельных категорий советской интеллигенции было подвергнуто специальному анализу только в ряде статей (М. Р. Зезина [Зезина, 1997: 20—27; Зезина, 2009]), а также работах, посвященных материальному благосостоянию советского народа в данный временной отрезок (Е. А. Осокина [Осокина, 1999], С. А. Головин [Головин, 2008: 177—186]).

Постановка вопроса. Таким образом, мы видим, что вопросы, связанные с динамикой финансового положения интеллигенции в сталинский период изучены явно недостаточно. Между тем анализ социального статуса, общественной позиции и мотивов деятельности интеллектуалов невозможен без соответствующего анализа уровня доходов различных представителей интеллигенции.

Методология и методы исследования

В данной работе автор руководствовался принципами историзма и научной объективности. Во многих положениях, касающихся оценок конкретно деятельности, позиции и условий жизни интеллигенции, автор исходил из позиций, выработанных В. С. Меметовым [Меметов, 2008: 7—25].

Основная часть

Изменение социального статуса советской интеллигенции в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

В первое десятилетие советской власти немалая часть интеллигенции, оставшейся в стране, была вынуждена сотрудничать с новым режимом. Именно интеллектуалы, привлеченные во многом материальными благами, помогли восстановить промышленность и сельское хозяйство, наладить функционирование административного аппарата. Однако они по-прежнему не разделяли многие положения большевистской идеологии и продолжали настороженно относиться к коммунистической власти. Ситуацию осложняли и проблемы во взаимоотношениях самой интеллигенции с другими слоями общества. Рабочие и крестьяне с глухим недовольством относились к сравнительно благополучной в материальном плане жизни людей умственного труда [Золотарев, 2012: 44]. Впрочем, сравнительно высокий уровень доходов был обеспечен только инженерно-технической интеллигенции. Заработная плата иных представителей интеллектуального труда была значительно ниже.

Но в начале 1930-х гг. характер режима и его идеологические установки меняются. Взявшая верх в борьбе за власть сталинская группировка берет курс на строительство «социализма

в одной стране», имевший целью национально-государственное выживание Советского Союза. Идет модернизация промышленности и сельского хозяйства, осуществляется широкое общественное и политическое реформирование.

Данная линия приводит к переменам и в отношениях режима и интеллигенции.

Прежде всего, это проявилось в понимании значения интеллектуальных сил не только в процессе модернизации страны, но и в деле укрепления власти. Глава партии и государства в этой связи подчеркивал: «Ни один класс не может удержать власть и руководство государством, если не сумеет создать собственной интеллигенции, то есть людей, которые отошли от физического труда и живут умственным трудом». Он указывал на недопустимость пренебрежительного отношения к интеллигенции [Сталин, 2006: 164], хотя и обращал внимание на подчиненное, несамостоятельное положение интеллигенции в обществе [Запись беседы товарища Сталина..., 2004: 250—251].

Среди причин, способствовавших смягчению отношения власти к интеллектуалам, важно упомянуть и еще одно обстоятельство. Дело в том, что рабоче-крестьянская интеллигенция, которая, по мысли партийных лидеров, должна была прийти на смену буржуазным специалистам, оказалась слабо подготовленной в профессиональном отношении. Она не только была не в состоянии обеспечить требуемый прорыв в экономическом развитии, но оказывалась даже препятствием на пути к успешной модернизации страны.

Ослабление давления власти на интеллектуалов явственно проявилось уже к середине 1930-х гг. Положение интеллигентских кругов заметно улучшается: уходит в прошлое категория «лишенцев», ликвидируются привилегии рабочих и крестьян при поступлении на учебу, снимаются ограничения на прием интеллигенции в партию.

Неотложность задачи быстрой модернизации страны требовала не только сближения власти и интеллигенции, но и осознания важности повышения культурного уровня народа. Это неизбежно означало усиление внимания властей к проблемам развития школы и образования. Реализация этой политики означала не только проведение эффективной образовательной реформы,

но и серьезное повышение уровня материальной обеспеченности советской интеллигенции. Ведь модернизация страны требовала значительного увеличения количества работников умственного труда. Это вызывало необходимость повышения социального статуса интеллигенции, дабы сделать труд ученого, инженера, учителя привлекательным для молодого поколения. Что было невозможно достигнуть без улучшения жизненного уровня интеллектуалов.

Руководствуясь этими мотивами, власть, начиная с конца 1920-х гг., пытается создать привилегированные материальные условия для интеллигенции, последовательно поднимает престиж работника умственного труда, прежде всего ученого и специалиста.

Действия властей по улучшению материального положения интеллигенции в предвоенные годы

Весьма отчетливо эта линия проявляется в 1930-е гг. Особенно по отношению к интеллектуальной элите общества. Весьма способствовало повышению статуса научного работника и преподавателя вуза решение о восстановлении ученых степеней кандидата и доктора наук. Оно фактически оформило систему оплаты труда данной категории интеллигенции в зависимости от степени, звания и стажа. Несколько позже, в 1936 г., заработная плата научным и научно-техническим работникам, преподавателям вузов была существенно повышена (профессор, например, получал 1300 руб., доцент — 900 руб.) [Народное образование в СССР, 1974: 482—486]. Нельзя не упомянуть и о том, что начиная с 1920-х гг. в преподавательской среде была широко распространена практика совместительства. Это объяснялось как нехваткой высококвалифицированных специалистов, так и (особенно в 1920-е гг.) их невысоким жалованьем. Поэтому в крупных городах доходы преподавателей, которые нередко подрабатывали в нескольких местах, были значительно выше.

Когда же была введена карточная система, то профессора и доценты вузов стали снабжаться по нормам индустриальных рабочих. Профессора, прикрепленные к закрытым столовым, получали академический паек. Что касается обеспечения материальных нужд ученых, то ими вместо ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых) стала заниматься КСУ (комиссия содействия ученым), затем — хозяйственное управление

АН СССР. Научная элита снабжались по нормам работников центральных партийных и государственных учреждений. Остальные — по нормам индустриальных рабочих. Таким образом, для научных работников была создана номенклатура должностей, которая определяла не только зарплату, но и объем, и характер привилегий [Осокина, 1998: 10].

Кроме того, в начале 1930-х гг. ЦИК и СНК СССР принимают ряд постановлений, которые весьма способствовали улучшению материального положения научной и художественной элиты: «Об улучшении жилищных условий писателей», «О строительстве “городка писателей”», «Об улучшении жилищных условий научных работников» и др. Для реализации содержащихся в них положений правительством при творческих союзах художественной интеллигенции создаются специальные хозяйственно-бытовые управления.

Хотя созданная система и не обеспечивала дореволюционного благополучия интеллектуальной элиты, однако она явно свидетельствовала о привилегированном ее положении в обществе.

Впрочем, в 1930-е гг. власти обратили внимание и на материальное положение представителей массовых интеллектуальных профессий. Это можно проследить на примере педагогической интеллигенции. Прежде всего, была значительно повышена заработная плата школьным работникам, упорядочен порядок ее выплаты [Народное образование в СССР, 1974: 459]. Зарботки педагогов в начальной школе выросли до 250—300 руб., а в средней — до 270—425 руб. Зарплата увеличивалась за 25-летний и более стаж. Вводилась плата за дополнительные уроки, прием экзаменов и выполнение административных функций. В целом с конца 1920-х гг. учительское жалованье выросло в 5—6 раз (напомним, его уровень в 1920-е гг. не превышал 45—50 руб.) [Юинг, 2011: 93].

К концу 1930-х гг. заработная плата школьных педагогов уже превышала (хотя и незначительно) ее средний уровень по промышленности. И все же доходы учителей нельзя было назвать высокими, поэтому многие педагоги были вынуждены подрабатывать, нередко довольно сильно превышая нормы положенной нагрузки.

Помимо повышения заработной платы, работникам просвещения был предоставлен ряд льгот: они были приравнены в снабжении промышленными товарами и продуктами питания

к рабочим, на селе им предоставлялись бесплатные квартиры с бесплатным отоплением и освещением. Ряд шагов был сделан и в деле обеспечения учителей пенсиями [Народное образование в СССР, 1974: 459—462].

Хотя нельзя не отметить, что реализация декларируемых мер по улучшению положения педагогических работников на местах была затруднена как игнорированием учительских нужд региональными властями, так и нехваткой финансовых ресурсов.

К концу 1930-х гг., несмотря на то, что далеко не все учительские проблемы материального плана до конца были решены, стало возможным говорить о реальном и довольно ощутимом улучшении материального положения педагогической интеллигенции.

Впрочем, даже осознавая свои преимущества, учителя полагали свой уровень жизни более низким, чем того можно было ждать при их образовании, квалификации и преданности профессии [Юинг, 2011: 9, 89, 117].

Что касается другого массового отряда людей интеллектуальных профессий — медицинских работников, то во второй половине 1930-х гг. так же был проведен ряд важных мероприятий, которые были направлены на улучшение материального положения врачебного персонала. Среди них особое значение имело Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 4 марта 1935 г., которое декларировало значительное увеличение зарплаты медицинскому персоналу. Хотя она по-прежнему продолжала уступать рабочим окладам.

Если обратиться к индустриально-технической интеллигенции, то повышению ее материальной заинтересованности способствовал в 1930-е гг. целый ряд решений властей. Среди них можно перечислить следующие: были отменены ограничения на дифференциацию сдельной оплаты труда, ликвидирован партмаксимум, отменен закон, согласно которому специалисты, работавшие по совместительству, могли получать лишь в полтора раза больше минимальной заработной платы и т. д.

Таким образом, к концу 1930-х гг. власть, столкнувшись с необходимостью обеспечить высокие темпы индустриализации, была вынуждена перейти к дифференциации в заработной плате, отдавая предпочтение высококвалифицированному труду. По мере относительных успехов индустриализации имущественная

дифференциация общества быстро росла. В этот период зарплата директора крупного предприятия (как и секретаря обкома) достигала 2000 руб., инженера — 1500 руб., профессора — 1300 руб., старшего научного сотрудника в системе Академии наук — 800 руб., учителя — 250—425 руб., квалифицированного специалиста — 200—300 руб., квалифицированного рабочего — 200—300 руб., минимальная зарплата неквалифицированного рабочего — 115 руб. [Головин, 2008: 182]. Такой подход позволил обеспечить лояльность по отношению к режиму определенных слоев населения, прежде всего, интеллигенции.

Динамика материального положения интеллигенции в военные и первые послевоенные годы

Политика, направленная на повышение материальной заинтересованности интеллигенции, была продолжена, несмотря на военные невзгоды, и в 1940-е гг. В частности, совершенствовалась система оплаты труда научных работников, которая сложилась в предвоенные годы. Например, в 1942 г. оклады научных работников и преподавателей вузов были значительно увеличены. Улучшалась и система пенсионного обеспечения работников Академии наук. Конечно, в условиях карточного распределения, характерного для военного времени, денежные выплаты были отнюдь не единственным, хотя и весьма важным, фактором решения материальных и бытовых проблем. Даже сравнительно высокой заработной платы систематически не хватало: купить на эти деньги по коммерческим ценам можно было немного. Поэтому во время войны властями принимались и иные меры поддержки научной интеллигенции. Были созданы специальные структуры, в задачу которых входила организация снабжения научной интеллигенции промтоварами и продовольствием. Научные работники в этот период пользовались дополнительными видами снабжения, которые тогда существовали (продлимит, спецпайки, литерные обеды, прикрепление к закрытым столовым и др.). Несмотря на это обследования материально-бытового положения научной интеллигенции показывали, что вряд ли положение данной категории населения можно было назвать в тот период благополучным [Зезина, 1997: 21].

Если положение научных работников и вузовских преподавателей (по сравнению с другими категориями представителей интеллектуального труда) было сравнительно неплохо, то, конечно, материальная обеспеченность иных отрядов интеллигенции была значительно хуже.

Например, самым тяжелым образом военные сложности отразились на работе школ и учительства. И это несмотря на то, что в августе 1943 г. заработная плата учителей была значительно повышена, а власти на местах старались оказывать материальную помощь работникам школ. Дело в том, что во многих регионах весьма плохо было налажено снабжение учителей продуктами питания. Купить же продукты на рынке они не могли из-за крайней дороговизны.

Даже после окончания войны разруха, необходимость вкладывать немалые средства на восстановление промышленности и сельского хозяйства не позволяли властям предпринять меры по коренному улучшению материального положения школьных работников. Более того, с 1 октября 1946 г. с карточного снабжения снимается часть сельских учителей, связанных с сельским хозяйством. Наверное, можно даже говорить о том, что в первые послевоенные годы государство было вынуждено проводить в отношении учительства (как, впрочем, и всего населения) режим жесткой экономии.

В целом как профессиональная группа учительство развивалось в послевоенные годы в непростых материально-бытовых условиях, при значительной перегруженности работой и общественными обязанностями, что вело к практически полному отсутствию личного времени. В итоге в школах страны стала ощущаться острая нехватка квалифицированных кадров, в обществе престиж профессии учителя был невысоким, и поэтому государством были разработаны меры, направленные на стимулирование учительского труда. Во многом они были направлены на повышение жизненного уровня школьных работников.

В феврале 1948 г. выходит постановление Совета Министров СССР об увеличении заработной платы и пенсий (в том числе декларируется пенсия за выслугу лет) учителям, были введены льготы и преимущества для педагогов в плане обеспечения жильем и коммунальными услугами. Преподавателям были

предоставлены льготы по обязательным поставкам молока, мяса и картофеля. Учителя на селе обеспечивались земельными участками, подсобные хозяйства школьных работников частично освобождались от налогообложения, дети учителей теперь не должны были платить за обучение в старших классах и педагогических вузах, начал реализовываться план строительства жилья для сельских учителей [Народное образование в СССР, 1974: 463—464].

Конечно, после войны государственные структуры уделяли особое внимание многим важнейшим аспектам работы образовательных учреждений, прежде всего материальному и интеллектуальному обеспечению их деятельности. Следует заметить, что, несмотря на все сложности послевоенного времени, руководство страны находило средства на развитие народного образования. В этот период расходы на образовательные нужды составляли 14 % государственного бюджета [Дайч, 1991: 39—40], что способствовало положительным сдвигам в развитии народного образования в послевоенный период.

Что касается другой массовой категории лиц интеллектуального труда — медицинских работников, то, как уже отмечалось, их заработная плата в 1930-е гг. хотя и несколько выросла, но все равно продолжала уступать рабочим окладам. Правда, врачам было разрешено заниматься частной практикой. После войны власти, пытаясь сделать медицину доступной для всех, стали бороться с частной врачебной практикой, но зарплаты врачей были существенно увеличены.

Таким образом, представителям массовых интеллигентских профессий жилось в послевоенное время непросто, что во многом объяснялось общим невысоким уровнем жизни населения, хотя, вероятно, несколько легче, чем многим иным категориям работающих. Если же говорить о научной и творческой интеллигенции то меры, предпринимаемые властями по поднятию престижа (а, значит, и материального уровня) этой категории населения, позволили последней стать фактически элитным классом советского послевоенного общества (наряду с партийной номенклатурой, государственными чиновниками и высокопоставленными военными).

Особенно значимым в этом контексте было постановление Совета Министров СССР от 6 марта 1946 г. «О повышении окладов

работникам науки и об улучшении их материально-бытовых условий». Им значительно (в три-четыре раза) увеличивались зарплаты, поднимался социальный статус и привилегии ученых, возрастало финансирование науки, количество научных учреждений. Размеры увеличения зависели от должности, степени и звания, а также от категории научного учреждения. Наиболее значительную прибавку получил руководящий состав. Так, член Президиума АН теперь получал 15 тыс. руб. (вместо 4 тыс.) директор академического института — 8 тыс. руб. (ранее — 2,5 тыс.), старший научный сотрудник, доктор наук — 4 тыс. руб., младший научный сотрудник без степени — до 1,35 тыс. руб. Серьезно улучшалась и система снабжения промышленными и продовольственными товарами. Сотрудники академий стали получать промышленные и продовольственные товары на определенную сумму в зависимости от положения, занимаемого в научной иерархии. Данный документ определял задачи и по жилищному строительству, выделению дефицитных промышленных товаров (таких, например, как легковые автомобили) [Зезина, 1997: 22—23].

15 марта 1946 г. СНК принял постановление «Об улучшении медицинского обслуживания научных работников АН СССР», по которому для сотрудников Академии наук создавались специальные поликлиники и стационары.

Отметим, что заработная плата и льготы работников науки, представляющих другие ведомства, были серьезно меньше.

Повышения окладов коснулись и преподавателей вузов, где зарплаты устанавливались не только в зависимости от должности и ученой степени, но и от стажа педагогической работы. В итоге профессор со стажем более десяти лет мог рассчитывать на заработную плату в 5,5 тыс. руб., доцент — 3,2 тыс. руб., старший преподаватель — 2,7 тыс. руб. в месяц [Зезина, 1997: 22].

В те годы автомобиль «Победа» стоил 16 тыс. руб., «Москвич» — 9 тыс. руб. Таким образом, доктор наук (с учетом вероятного совместительства) мог на свой месячный доход купить легковой автомобиль. Конечно, такое привилегированное в материальном плане положение не могло не служить мощным стимулом для занятия научной деятельностью, хотя и было определенным вызовом уравнилельной психологии, распространенной в советском обществе.

Благодаря этому и ряду других решений научная интеллигенция вскоре стала одной из наиболее обеспеченных социально-профессиональных групп советского общества. Ведь уровень доходов научных работников, особенно с учетом возможных дополнительных заработков (а совместительство в тот период было скорее правилом, нежели исключением), намного превышал заработную плату и льготы представителей других массовых интеллигентских профессий.

Научная элита советского общества пользовалась и иными преимуществами. Например, за выдающиеся научные достижения были установлены различные премии: К. А. Тимирязева, В. В. Докучаева, И. И. Мечникова и др. Они составляли весьма значительную сумму — 20—25 тыс. руб. Главная — Сталинская, была значительно больше. Ее размер (в зависимости от степени) колебался от 50 тыс. до 200 тыс. руб. Последняя задумывалась именно в качестве материального стимула научных работников. Поэтому ее лауреатами становились в основном люди в среднем, даже молодом возрасте. Кроме того, в качестве награды к премии обычно прилагался орден и определенные льготы: бесплатный проезд, бесплатное обучение детей в вузах и др. Помимо премий, молодым ученым выплачивались именные стипендии (стипендии В. В. Потемкина, А. А. Заварзина и др.). Их размер составлял среднюю заработную плату инженерно-технического состава: аспирантов — 800 руб., докторантов — 1300 руб. в месяц [Зезина, 1997: 22].

Помимо научных работников значительными привилегиями пользовались и представители творческой элиты. Особенно это положение было актуально по отношению к руководству творческими союзами. Доходы редакторов крупных журналов, секретарей и членов правлений творческих союзов состояли не только из заработной платы, но и высоких гонораров, различного рода льгот (мастерские, дачи и т. д.). По уровню благосостояния к ним были близки популярные писатели, художники и композиторы. Нередко их гонорары составляли астрономические по тем временам суммы — некоторые получали за год гораздо больше 100 тыс. руб. [Зезина, 2009: 335].

Конечно, это было скорее исключением, чем правилом. Хотя и основная масса представителей творческих профессий

не бедствовала, не уступая по уровню своих доходов средним слоям советской интеллигенции. Кроме того, принадлежность к привилегированной корпорации (коиими, вне всякого сомнения, являлись творческие союзы) давала значительные льготы. В трудные послевоенные годы именно через эти структуры решались жилищные вопросы, приобретались многие дефицитные товары (в том числе одежда, обувь и т. п.), путевки в Дома творчества и пансионаты.

Таким образом, творческие союзы, как и Академия наук и другие ведомства, и крупные предприятия (помимо функции организации творческого процесса или промышленного производства) фактически взяли на себя функцию социального обеспечения подчиненных им работников и специалистов.

Заключение

Модернизация страны неизбежно вела к улучшению материального положения интеллектуальных слоев общества и к сближению власти и интеллигенции. Постепенно заработная плата инженерно-технических и научных работников начинает превышать доходы рабочих. Даже доходы учительства и медицинских работников (унизительно низкие в период НЭПа) становятся выше средней заработной платы по стране. Что же касается научной и творческой элиты, то она во многом приблизилась к своему дореволюционному статусу. В целом можно утверждать, что, разделяя материальные и бытовые сложности, выпавшие на долю советского народа в годы модернизации, военного и послевоенного времени, научные и творческие работники составили одну из наиболее привилегированных и обеспеченных социально-профессиональных групп советского общества. Апогей материального благополучия представителей интеллектуальных профессий, когда уровень жизни интеллектуалов наиболее значительно превышает материальное положение рабочих и, тем более, крестьян, приходится на середину 1950-х гг. [Золотарев, 2018: 23]. Уровень благосостояния средних слоев научной интеллигенции и представителей высших слоев творческой интеллигенции приближался к заработной плате партийной и советской номенклатуры.

Объяснялось подобное привилегированное положение интеллигенции тем особым местом, что занимало интеллектуальное сословие в сталинской иерархической системе. Относительное материальное благополучие советской интеллигенции в сталинский период не только обеспечило наблюдавшуюся определенную устойчивость и лояльность по отношению к власти в интеллигентских кругах, но и позволило обеспечить рывок страны в экономическом и технологическом плане.

Список источников

- Головин С. А.* Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20—30-е годы XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 66. С. 177—186.
- Дайч З. Г.* Школьная политика в СССР: уроки партийно-государственного руководства, перспективы развития. М.: Прометей, 1991. 184 с.
- Запись беседы товарища Сталина с германским писателем Лионом Фейхтвангером 8 января 1937 года // Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 242—291.
- Зезина М. Р.* Материальное стимулирование научного труда в СССР. 1945—1985 // Вестник Российской Академии наук. 1997. Т. 67. № 1. С. 20—27.
- Зезина М. Р.* Режим привилегий для научной и художественной интеллигенции // Режимные люди в СССР / отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. С. 326—346.
- Золотарев О. В.* Интеллигенция: советские годы // Интеллигенция и мир. 2012. № 4. С. 44—56.
- Золотарев О. В.* Сталинская модернизация и советская интеллигенция // Интеллигенция и мир. 2018. № 1. С. 18—29.
- Меметов В. С.* О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 7—25.
- Народное образование в СССР: сборник документов. 1917—1973 / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. 560 с.

- Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.
- Сталин И. В. Сочинения: в 18 т. М.: Гос. изд. полит. лит.; Тверь: Информ.-изд. центр «Союз», 1946—2006. Т. 18: 1917—1953 / сост. М. Н. Грачев, А. Е. Кирюнин, Р. И. Косолапов, Ю. А. Никифоров, С. Ю. Рыченков, 2006. 785 с.
- Юинг Е. Т. Учителя эпохи сталинизма. Власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. 359 с.

References

- Abakumov, A. A., Kuzin, N. P., Puzyrev, F. I. and Litvinov, L. F. (comps) (1974), *Narodnoe obrazovanie v SSSR: sbornik dokumentov 1917—1973 gg.* [Public education in the USSR: Collection of documents 1917—1973], Pedagogika, Moscow, Russia.
- Dyche, Z. G. (1991), *Shkol'naia politika v SSSR: uroki partiino-gosudarstvennogo rukovodstva, perspektivy razvitiia* [School policy in the USSR: lessons of party and state leadership, development prospects], Prometei, Moscow, Russia.
- Golovin, S. A. (2008), 'Property differentiation of incomes of the population of the USSR in the 20—30s of the XX century', *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], no. 66: 177—186.
- Grachev, M. N., Kiryunin, A. E., Kosolapov, R. I., Nikiforov, Yu. A. and Rychenkov, S. Yu. (comps) (2006), *Stalin I. V. Sochineniia: v 18 tomakh* [Works: in 18 vols.], vol. 18: 1917—1953, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, Informatsionno-izdatel'skii tsentr "Soiuz", Moscow, Tver', Russia.
- Memetov, V. S. (2008), 'About some methodological approaches in the study of the concept of "intelligentsia" in Russian historiography', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 7—25.
- 'Recording of a conversation between Comrade Stalin and the German writer Lion Feuchtwanger on January 8, 1937' (2004), *Voprosy literatury* [Issues of Literature], no. 2: 242—291.
- Zezina, M. R. (1997), 'Financial incentives for scientific work in the USSR. 1945—1985', *Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], vol. 67, no. 1: 20—27.

- Zezina, M. R. (2009), 'Privilege regime for scientific and artistic intelligentsia' in Kondratieva, T. S. and Sokolov, A. K. (eds), *Rezhimnye liudi v SSSR* [Regime people in the USSR], Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, Moscow, Russia: 326—346.
- Zolotarev, O. V. (2012), 'Intelligentsia: Soviet years', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 44—56.
- Zolotarev, O. V. (2018), 'Stalinist modernization and the Soviet intelligentsia', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 18—29.
- Yuing, E. T. (2011), *Uchitelia epokhi stalinizma. Vlast', politika i zhizn' shkoly 1930-kh gg.* [Teachers of the era of Stalinism. Power, politics and school life in the 1930s.], Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 17.11.2021; одобрена после рецензирования 15.12.2021; принята к публикации 29.12.2021.

The article was submitted 17.11.2021; approved after reviewing 15.12.2021; accepted for publication 29.12.2021.

Информация об авторе / Information about the author

О. В. Золотарев — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, Институт истории и права, Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина, Россия.

O. V. Zolotarev — Doctor of Science (History), Professor, Head of the Department of History and Methods of Teaching Social and Legal Subjects, Institute of History and Law, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia.